* * *

Ждёт не стезя, что в прах
исхожена —
Гусиных стай крылатый путь.
И всё добро в котомку сложено,
Осталось узел затянуть.

А есть ещё талы. И старица.
Рассвет... Их некуда девать!
И половодье снова тянется
Сырые щёки целовать...

И так права синичья перезвень...
И утицей манок зовёт...
И, с головой в зелёнке, селезень
Свинцовый воздух грудью рвёт!

* * *

От капельницы — к венам...
Я — зябкой зыбью строк —
В кровь тех, кто мне поверил,
Давно по капле стёк.

Пусть век нудит, неспрошен,
Что не был на виду...
Я никого не брошу,
Когда от вас уйду.

* * *

Что я скажу теперь июлю,
Зовущему под знамя зорь?
Я сам с собой всю ночь воюю,
Поскольку сам — сплошная хворь.

То мёдом хворь кормлю, то ядом...
Но я встаю — и день встаёт.
И всё белеет по левадам,
Гляжу, — дыхание моё...

* * *

«И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков...»

Сергей Орлов

Они прозрели все! Ну, что ж...
Но как молчать, скажи:
Они затеяли делёж —
Не поля, не межи!

В шляхетском мороке поляк
Словес пускает пал —
И Млечные Пути пылят
Лишь там, где он ступал!

«Нет, эта пыль, — блажит
румын, —
Лишь на моём следу!»
(Не та ли, что — с донских равнин,
В сорок втором году?).

А в двух шагах — глуха, слепа
И в памяти больной —
Братушек ли, братков толпа
Стоит, давясь слюной.

Братушка, да неужто рад
И ты урвать свой кус?
...А Млечные Пути пылят —
Где Сталинград и Курск.

Где всё гремит последний бой,
Будя Европы стыд;
Где под звездою жестяной
Солдат советский спит...

ПОСЛЕДНИЕ СОВЕТСКИЕ ПОЭТЫ

Мы в этот строй никем не
призваны —
Высоты брать, идти к вершинам.
И писарями мы не признаны,
И — головная боль старшинам.

Не проигравшие сражение,
А просто сданные вождями,
Полжизни шли из окружения,
А нас, похоже, тут не ждали.

Стать карандашной строчкой
стёртою
Не страшно: нас судьба вдавила
В печаль страны рукою твёрдою,
Когда линяли все чернила.

И чьи-то перья в поздней
трезвости
И в памяти скупой, но ясной,
О нас, давно пропавших без
вести,
Напишут с новой строчки.
С красной...

* * *

Он и оплёван, и оплакан,
Как старой веры образа,
Но по плевкам — не надо лаком,
Не надо грязью — по слезам.

Всё, что случилось, было — с нами,
Мы с этим жили и росли.
Октябрь — и слом, и гром,
— и знамя,
Что до рейхстага донесли.

Пусть говорят: кумач тот выцвел,
Путь — сотней вьюг перемело.
Но время и «Авроры» выстрел
На жёсткий диск перевело.

И пусть не лжёт учебник
школьный,
Что он забыл и день, и год.
Иначе тот, не барский, Смольный
Сам за себя сказать придёт.

ОКТЯБРЬСКИЕ РИФМЫ

Тени деревьев стоят, не лежат,
А вот деревьям — к земле бы
прижаться...
Рифмы уже не в кружок
ворожат —
Вместе словам помогают
держаться.

Могут и пнуть те слова,
и ругнуть, —
Если их жизнь поглядит, как
чужая.
А по ночам холодят мою грудь,
Настежь раскрытую, —
не выстужая...

ПОЛЫНЬЯ

Господи, темны мои обиды,
Как за перекатом полынья...
А у полыньи той, тихой с виду, —
Ледяные острые края.

Ни метель её не заметает,
Ни пооблетевшие года.
...Понимаю всё, а сердце тянет,
Никого не слушая, туда.

Эта жажда ищет след копытца,
А не раны вечные Твои...
Господи, как хочется напиться
Сердцу моему — из полыньи!

Стёжки к людям все заледенели.
Падать в темень сердцу — всё
больней.
...Замерзая, встану на колени —
Неужели, Отче, перед ней?

* * *

Идут твои снега — отсюда ли,
сюда ли?
Но вот сюда тебя по кругу
привели.
Где прошлое сквозит январскими
садами —
От всякого жилья, от всех дорог
вдали.

Январские сады и разглядишь
не сразу.
Синеют, будто след, что
полузанесён.
А в мёрзлых почках мир —
большой, зеленоглазый,
Сокрытый до поры — о жизни
смотрит сон.

Шумерское письмо хранит
сорочья наследь.
Но разгадать его — ни времени,
ни сил.

И рвётся дней кино, и ленту клеит
— насмерть —
Вишнёвый клей, что ты невесть
когда скусил.

И на губах ещё горчит кора сырая,
Как будто говоря: «Не трожь меня,
не трожь!»
Но разве жизнь поймёшь...
И, горечь с губ стирая,
Невольно все слова привычные
сотрёшь.

Но можно ведь сказать —
сорочьими следами...
Пусть не поймёт словарь,
зависнет весь Инет.
И станет всё, чем жил,
январскими садами,
Чтоб там, где нет дорог,
как чей-то след синеть.

* * *

Звала мамона — не пошёл на
выучку:
А с кем бы я оставил дома стыд?
И он теперь спешит ко мне на
выручку,
Со мною вместе по ночам не спит.

«А что я — трус? Или сыночек
маменькин?» —
Сопит упрямо. Дал же Бог сынка!
«Я понимаю, — говорит, — что
маленький;
Я вырасту! Ты потерпи пока...»

* * *

«И вечный бой!..» Живём мы —
по стихам:
У нас и поле, ширясь, наступает,
Оставив деревенским пастухам
Овраги, прежде бывшие —
степями.

И речка — через тину, через
грязь,
Через бурьян, что прежде был
покосом, —
Всё тянет, тянет, тянет, тянет
связь
К названьям нашим —
Омутинкам, Плёсам.

ЗАТЕЯ

Она лукавей, может быть,
Всех гревших нас затей...
Всё-всё, что пожелаешь зрить,
Ты вынешь из Сетей.

И снова в Сети юркнет мышь,
Чтобы достать улов.
И это всё ты сохранишь —
Одним щелчком, без слов.

Как муху — в золотой смоле...
Но лишь экран погас —
Ты вновь на горестной земле,
Живущий только раз.

И слов озноб — как листьев
дрожь,
И — солоно щекам...
И эту новость не сотрёшь
Одним щелчком, как спам.

И снова рвётся жизни нить,
И стынет в горле ком.
И ничего не сохранить
Без слов, одним щелчком.

* * *

Не надо предъявлять права
На эту ночь, на куст жасмина...
По праву древнего родства
Мы медленно проходим мимо.

Увидев, тронув, в грудь вобрав
И тьму, и торжество цветенья.
И никаких не надо прав
На путь, на правду, на смятенье.

РАЗГОВОР С КУЛИКОМ-ПЕРЕВОЗЧИКОМ

Берег тот — только бледные лозы,
Этот берег — румяный тальник.
Ты кого и зачем перевозишь
Через тёмную реку, кулик?

Вот и кончилось длинное лето
Тальников и клонящихся лоз.
Это видно по смятым билетам
Тех, кого ты уже перевёз.

Ты взлетишь — их поднимет и носит
Вихорь, знающий всё наперёд...
И никто их на память не просит,
И обратный билет не берёт.

Вот он — жёлтый, забытый — сплывает,
Будто вправду не нужен судьбе.
Перевозчик-кулик, а бывает,
Что с уплывшим приходят к тебе?

Вот и свой, пожелтевший, я вынес...
Даже смятый, в волнах он мелькал,
Как платочек ажурный... как вырез,
Грудь тугим не отдавший шелкам...

Берег тот — только бледные лозы,
Этот берег — румяный тальник.
Ты кого и зачем перевозишь
Через тёмную реку, кулик?

АВТООТВЕТЧИК

Геннадию Ёмкину

Я теперь на озере Песчаном...
Леска то провиснет, то звенит…
Говорю болячкам и печалям:
Даже не пытайтесь мне звонить!

Буду говорить теперь о личном
Только с неизбывным, только с ним —
Только по мелодиям синичьим,
По шумам на линии лесным.

По глубоким колеям прибрежным,
По косульим сбивчивым следам —
А не с надоевшим неизбежным
И не по свинцовым проводам...

Не нужны мне их ночные скидки,
Минусовый их тариф не мил.
Расплачусь! Ольховых листьев слитки
Ветерок вдоль берега намыл.

Да по щучьим поскребу заначкам,
Серебра наплавлю на ветру.
Номер, что печалям и болячкам
Сдуру дал, из памяти сотру...